

Н.П. Дворцова
(Тюмень)

МИФ О СМЕРТИ ПОСТМОДЕРНИЗМА И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СИТУАЦИЯ

Статья представляет собой опыт вторичной танатографии и предварительной характеристики литературы возможных альтернатив.

В марте 2002 г. П. Гринуэй объявил о смерти кино, рассказав при этом, правда, о работе над новым кинематографическим проектом.

Не будет, видимо, преувеличением утверждение о том, что после Ф. Ницше и З. Фрейда и особенно после Р. Барта фигура Танатоса становится

едва ли не самой значимой в культуре XX в., что, в частности, проявилось в чрезвычайной актуальности словообразовательной модели с приставкой «пост»: от постмодерна, посткоммунизма, постгуманизма, постструктурализма до постинтеллектуализма и постпостмодернизма. Развитие танатологии и танатографии в XX в. приводит к тому, что констатация смерти становится, как в случае с П. Гринуэем, эпатирующим и модным жестом.

«Опыт поминальной риторики» (А. Гольдштейн), столь значимый для последнего десятилетия, начинается, очевидно, со статьи Вик. Ерофеева «Поминки по советской литературе» (1989). В ней не только констатируется очевидный конец советской литературы, но и высказывается надежда на завершение традиционного литературоцентризма русской культуры. «Гиперморализм» русской литературы, провозглашающей и утверждающей высшие ценности, должен, с точки зрения Вик. Ерофеева, смениться ситуацией, когда литература «будет не больше, но и не меньше, чем литература» [Ерофеев 1996: 434].

В 2000-м г. В. Курицын констатировал смерть гиперморализма русской литературы, разрушение традиционного статуса русского писателя как учителя жизни: «Писатель сегодня – такой же субъект рынка, как и все остальные» [Курицын 2000: 268].

Если поминки по советской литературе законны, поминки по всей русской литературе явно преждевременны, то вопрос о том, рассматривать ли под знаком утраты постмодернизм, остается для его критиков и теоретиков открытым и, во всяком случае, спорным.

Наиболее радикальная позиция представлена в книге А. Гольдштейна «Расставание с Нарциссом» (1997). С его точки зрения, «обширный цикл, или эон русской литературы XX в. от авангарда и соцреализма до соц-арта и концептуализма завершился, не оставив взамен ничего, кроме растерянности» [Гольдштейн 1997: 7].

О кризисе постмодернистского дискурса и очевидных стратегиях выхода из него, связанных с тем, что писатель начинает работать в пространстве массовой культуры, пишет М. Берг [Берг 2000].

Внутренне противоречивой представляется позиция В. Курицына. В книге «Русский литературный постмодернизм» (2000) он утверждает: «Постмодернизм победил, но слово постмодернизм надоело решительно всем и употреблять его считается дурным тоном» [Курицын 2000: 270, 4]. Таким образом, остается неясно, умер ли постмодернизм и бродит среди нас подобно живому мертвецу или он живет всех живых? Во всяком случае, если в соответствии с мифологическими представлениями покойник превращается в духа-предка, то никто сегодня не спешит признать постмодернизм в качестве такового.

Понятие культурного промежутка, столь значимое в современной научной мысли от Вик. Ерофеева до М. Эпштейна, очевидно, адекватно отражает литературную ситуацию последнего десятилетия, споры идут о

том, что соединяет «ничейная полоса» настоящего. С точки зрения Вик. Ерофеева, «в русской литературе прервалась героическая пора мужчин ... Мужчины привели культуру к ее завершению В русской литературе открывается бабский век». Этот век, считает Вик. Ерофеев, предвещает «радикальный сдвиг русской ментальности в сторону сохранения жизни», а не ее улучшения, как это было на протяжении ряда веков [Ерофеев 2001: 5-20].

Позиция А. Гольдштейна в этом контексте предстает как прямо противоположная. Выход из «глубокой ямы промежутка», по его мнению, возможен через так называемую «литературу существования», литературу подлинности, за которой стоит человек со своей личной историей. Будущее литературы А. Гольдштейн связывает с «великим возвращением» идеи искусства как теургии, претворения и преображения материи [Гольдштейн 1997: 445].

На фоне этих футурологических прогнозов особой ясностью отличаются близкие по сути позиции М. Эпштейна и А. Гениса с их убедительным рационализмом. В основе концепции М. Эпштейна – идея «перехода от конечности к начальности как полюсу мышления». Поэтому ключевым для него является понятие «прото», или «протеизм» (от греч. *protos* – первоначальный, первичный). Этим словом М. Эпштейн предлагает назвать умонастроение начала XXI века, фиксирующее состояние культуры в начальной стадии развития. Современная культура, по его мнению, – это прото-культура, «тончайший промежуток между постмодернизмом и постмодерностью» [Эпштейн 2000: 298].

Характеризуя «искусство настоящего времени», «времени Накануне», А. Генис раскрывает его, как он говорит, судьбоносные метаморфозы. Они связаны с переориентацией искусства «с произведения на процесс, с автора на читателя, с искусства на ритуал, с личности на культуру, с вечного на настоящее, с шедевра на среду» [Генис 1997: 231].

Очевидно, что многочисленные опыты научной танатографии и футурологии последнего десятилетия свидетельствуют о соединении эсхатологических и космогонических установок в современном культурном сознании, о значимости в нем категории возможного, характеризующей динамику, становление, и мотива возможных альтернатив настоящему.

Можно, видимо, даже утверждать, что в современной литературе сложилось целое, условно говоря, направление, фиксирующее ситуацию культурного промежутка и представляющее возможные альтернативы и прошлому и настоящему.

У истоков «направления» – роман Саши Соколова «Палисандрия» (1985), а еще раньше – М. Булгаков с «Мастером и Маргаритой» и «Роковыми яйцами». Представляют его «Чапаев и Пустота» (1996) В. Пелевина, «Голубое сало» (1999) В. Сорокина, «Укус ангела» (2000) П. Крусанова,

«Кысь» (2000) Т. Толстой, цикл «Евразийская симфония» (2000-2002) Хольма ван Зайчика.

В этом же ряду проект «Новый русский романъ» издательства «Захаров» – проект издания цикла ремейков классических произведений русской литературы: от «Анны Карениной» некоего Льва Николаева, номенклатурного романа об основном инстинкте, до «Отцов и детей» Ивана Сергеева, романа о «растерянном поколении» постперестроечного времени. Объединяет все эти тексты искусство создания возможных миров и альтернативных личностей.

Культурологическое и философское обоснование литературы возможных альтернатив можно увидеть в Интернет-проекте «Книга Книг» М. Эпштейна, где автором предпринята попытка дать портрет человеческого сознания как «системы его возможностей, из которых ни одна не исключает другую». Задачу «Книги Книг», представляющей как энциклопедия альтернативных идей, М. Эпштейн видит в том, чтобы «обманывать ожидание и превращать каждого из нас в жильца возможных миров».

Нельзя не отметить, что тексты такого рода существуют на фоне интенсивного развития жанра фэнтези в отечественной литературе (достаточно назвать имена Н. Перумова, Макса Фрая, М. Успенского, М. и С. Дяченко) и в контексте жанра альтернативной истории. Жанр этот, западный в своем происхождении, начинает развиваться и у нас, отражая ситуацию смены версий отечественной истории и феномен постмодернистского релятивизма. Можно назвать, например, имена А. Лазарчука («Все способные держать оружие»), В. Руги и А. Кокорева («Золото Кайзера») и др.

Реальным контекстом литературы возможных альтернатив является также жанр антиутопии, создающий альтернативные модели культуры. В конечном итоге, эта литература, видимо, восходит к традиции апокрифического мышления.

Безусловно, что тексты, отнесенные нами к так называемой литературе возможных альтернатив, очень разные: от апокалиптически мрачного П. Крусанова до идеальной картины светлого будущего (оно же – светлое прошлое) у Хольма ван Зайчика; от элитарных «Палисандрии» и «Укуса ангела», нарочито классической «Кыси» до медиации между высокой и массовой литературы у Пелевина и Сорокина, наконец, до своего рода синтеза постмодернистской игры и традиции учительной литературы, предлагающей читателю «конструктивные нравственные ориентиры» в «Евразийской симфонии»; от постмодернизма Саши Соколова до пародии на постмодернизм у В. Рыбакова и И. Алимова, творцов Хольма ван Зайчика.

Вместе с тем, несмотря на различие произведений, можно выделить некую парадигму литературы возможных альтернатив. Она включает в себя следующее.

1. Эксперименты со временем и создание альтернативной истории России, Европы или всего мира. Писатель создает при этом альтернативные версии исторических событий и личностей.
2. Сюжет истории сакрального текста (предания, традиции) и связанного с ним сакрального знания. Этот факт свидетельствует о том, что тексты такого рода вышли из шинели У. Эко, в «Имени Розы» которого была, как известно, представлена возможная версия судьбы «Поэтики» Аристотеля (Или же они интертекстуально связаны с этим произведением). Кроме того, сюжет судьбы сакрального текста на фоне альтернативной истории свидетельствует о том, что важнейшей темой романов является тема истины и ее жизни во времени.
3. Литература возможных альтернатив – пространство художественной виртуалистики.
4. Эксперименты с языком, вплоть до создания некоего нового – возможного, альтернативного языка.
5. Эксперименты с повествованием и авторством, создание своего рода альтернативного – персонажного автора (термин С. Гундлаха). Причем обычно персонажный автор – он же главный герой – это трикстер, выражение архетипа тени, амбивалентный герой-озорник, предстающий как некая отдушина в нормированном мире или антитеза норме.

Каждый из текстов, отнесенных нами к литературе возможных альтернатив, можно рассмотреть как версию общей парадигмы. Однако в рамках статьи такой возможности у меня нет. Поэтому я позволю себе в полном соответствии с логикой статьи Р. Барта «С чего начать?» обратиться к первому и пока последнему из названных текстов.

Есть большое искушение связать молчание Саши Соколова после «Палисандрии» с исчерпанностью для него смысла постмодернистской версии реальности, а создание в романе альтернативной истории XX в., канонизированной вплоть до XXVII в., рассмотреть как свидетельство исчерпанности эпохи 1970 – 1980 гг., когда, по словам писателя, жизнь «отболела» и «медленно обрывалась». Даже если признать эту интерпретацию формой редукции текста, остается очевидным следующее. «Палисандрия», которую Саша Соколов назвал «философско-футурологическим романом» [Саша Соколов 1992: 281-282], пронизана духом альтернативных возможностей и творческих альтернатив. Это проявляется:

- 1) в очевидном – в гротескно-фантастических и пародийных фигурах Сталина, Берии, Брежнева, Андропова и др.;
- 2) в том, что писатель создает анти - «Лолиту», или «Лолиту» – наоборот;
- 3) в пародийной версии темы сакрального текста, в качестве которого выступают канонизированные в веках мемуары Палисандра Дальберга;

4) в характере повествования, представляющего своего рода словесным гибридом, позволяющим создать гротескный образ автора-персонажа Палисандра Дальберга;

5) в ризоматическом строении текста, что ведет к возрастанию роли читателя и создает множество возможных его прочтений;

6) в языке «Палисандрии» – чуде «лингвистического барокко» (Д. Бартон Джонсон), делающего текст бесконечной смысловой множественностью и одним из лучших русских романов конца XX века.

Для понимания цикла романов великого еврокитайского гуманиста (ВЕКГ) Хольма ван Зайчика «Плохих людей нет», или «Евразийская симфония», с нашей точки зрения, важны три факта. Во-первых, это литературная мистификация. Во-вторых, реальные авторы В. Рыбаков и И. Алимов мыслят свое детище как альтернативу либерально-диссидентской традиции русской литературы [Хольм ван Зайчик 2001: 348]. В-третьих, «Евразийская симфония» – это гибрид массовой литературы и положительной, по мнению авторов, идеологии, то есть это «положительная нравственно-ориентированная» литература.

«Евразийская симфония» представляет собой литературный проект постакунинской генерации, существующий в книжной и Интернет-версии и состоящий пока из четырех книг. Книги эти представляют собой единый гипертекст, в котором, помимо романов, можно выделить по меньшей мере девять текстов.

1. Текст-миф о Хольме ван Зайчике – текст персонажного автора.

2. Текст реальных авторов – история о том, как переводчики Э. Выхристюк и Е. Худеньков и консультанты В. Рыбаков и И. Алимов открыли ВЕКГ Хольма ван Зайчика.

3. Литературный манифест писателей В. Рыбакова и И. Алимова.

4. «Научные» разыскания переводчиков (тексты-пародии).

5. Тексты «от редактора».

6. Псевдоцитаты из Конфуция и других авторов.

7. Примечания к текстам.

8. Интернет-ссылки.

9. «Список рекомендованной литературы» издательства «Петербургское востоковедение», где, в частности, изданы научные труды В. Рыбакова и И. Алимова.

Гипертекстовая природа «Евразийской симфонии» превращает произведение в реальное, а не метафорическое множество альтернативных текстов, которые возникают благодаря тому, что каждый читатель сам создает свой текст, решая, что из этого множества текстов и в каком порядке ему читать.

Кроме того, все тексты «Евразийской симфонии» организуют единое пространство мистификации как пространство создания возможных миров и игры альтернативами. Структурирует это пространство интерактивная

игра писателей и читателей, связанная с разгадыванием загадки реального автора. Она представляет собой своего рода расследование, когда читатель выступает в роли детектива, приобретая тем самым опыт альтернативного существования. Интрига читательской игры альтернативами организуется прежде всего благодаря тексту-мифу о Хольме ван Зайчике, пародийная биография которого полностью оправдывает значение его имени «князь, который всё превозмог благодаря смешению в себе различных стихий».

Голландец по происхождению, всю жизнь проживший на Востоке и писавший исключительно по-китайски, ВЕКГ предстает в ней как дипломат, ученый (историк и геополитик, автор пятитомного труда «Аттила и ранняя социал-демократия»), советский разведчик (агентурные имена Волк, Попрыгунчик, Пушистый), прославленный производитель капусты и организатор сельскохозяйственной коммуны, наконец, как народный писатель.

Сюжет игры альтернативами поддерживается также благодаря интервью консультантов В. Рыбакова и И. Алимова, предлагающих новые версии жизни и смерти ВЕКГ, который, как выясняется, не только не погиб в трагическом 1969 г. на двенадцатый день после очередного запоя, посвященного событиям на острове Даманский, но остался вечно живым: умирающим и воскресающим духом-покровителем родной деревни Багуйсянь или – не исключено – обитателем Тибета, активно практикующим даосские способы обретения бессмертия. Во всяком случае с момента, когда в ночь на рубеже 1999 – 2000 г.г. переводчик с китайского Е. Худеньков получил по электронной почте письмо с заголовком «Время пришло: Хольм», его нельзя не признать живым.

Тексты «от редактора» О. Трофимовой – сфера культурной рефлексии и одновременно после игры альтернативами, развернутой в проекте. Редактор предлагает читателю версии ответа на вопрос о загадке романов Хольма ван Зайчика: «Что перед нами? Этно–роман? Роман–карнавал? Фантастический роман? Роман–утопия? Альтернативная история? Детективное сочинение?» [Хольм ван Зайчик 2001: 7]. По сути, редактор вооружает читателя культурными кодами, позволяющими ему превратить чтение в прогулку по тексту, доставляющую удовольствие.

Каждый из текстов «Евразийской симфонии» расширяет пространство альтернатив и демонстрирует способы порождения возможных миров, главным из которых в проекте является чудо-страна Великая Ордусь. По мысли Хольма ван Зайчика, она могла бы возникнуть в XIII в., если бы Александр Невский и сын Батые Сартак договорились об объединении Святой Руси и Золотой Орды «ради блага населяющих их народов, дабы взросло их чаяниями единое правовое государство, где царить будет единственно диктатура закона» [Хольм ван Зайчик 2000: 7].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что проект «Евразийская симфония», связанный с приобщением современников к искусству созда-

ния возможных миров и альтернативных личностей, как и вся литература возможных альтернатив, предстает очевидным свидетельством ситуации культурного промежутка. Произведения такого рода – это тексты – симптомы, знаки исчерпанности и одновременно космогонической устремленности современной культуры.

Литература

1. Берг М. Литературократия. М., 2000.
2. Генис А. Вавилонская башня. Искусство настоящего времени. М., 1997.
3. Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. М., 1997.
4. Ерофеев Вик. Поминки по советской литературе // Ерофеев Вик. Страшный суд: Роман. Рассказы. Маленькие эссе. М., 1996.
5. Ерофеев Вик. Время рожать. М., 2001.
6. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2000.
7. Саша Соколов. Палисандрия. М., 1992.
8. Хольм ван Зайчик. Дело незалежных дервишей. СПб., 2001.
9. Хольм ван Зайчик. Дело жадного варвара. СПб., 2000.
10. Эпштейн М. Постмодерн в России. М., 2000.